

«ДОКАЖЕМ, ГРАЖДАНЕ, ЧТО МЫ РОССЫ»: РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В 1812 ГОДУ (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

Сергей БЕЛОУСОВ,

доцент Пензенского государственного университета,
доктор исторических наук

Нашествие Наполеона глубоко отразилось на состоянии российского общества, приведя к росту национального самосознания. Без всякого сомнения, можно говорить о том, что Отечественная война 1812 г. явилась важнейшим фактором формирования российской нации, существенно повлияв на межнациональное, конфессиональное и культурное взаимодействие как в столице, так и, особенно, в провинции. Те процессы, которые происходили в 1812 г. в губерниях, располагавшихся вдали от театра военных действий, мы и рассмотрим на примере Пензенской губернии.

Несколько слов о том, что собой представляла губерния накануне вторжения Наполеона в Россию. Пензенское наместничество было учреждено в 1780 г. С 1796 г. оно именовалось губернией. По указу от 5 марта 1797 г. Пензенская губерния была упразднена, но 9 сентября 1801 г. восстановлена в составе 10 уездов: Городищенского, Инсарского, Керенского, Краснослободского, Мокшанского, Наровчатского, Нижнеомовского, Пензенского, Саранского и Чембарского. С февраля 1811 г. пензенским гражданским губернатором был князь Григорий Сергеевич Голицын, сын генерала от инфан-

терии С.Ф. Голицына. Пензенскую епархию возглавлял епископ Пензенский и Саратовский Афанасий.

К началу 1812 г. численность населения Пензенской губернии (без учета дворянского сословия и духовенства) составляла 695 798 человек обоого пола (344 117 мужчин и 351 681 женщина). Кроме того, известно, что в это время в губернии проживали 2361 священно- и церковнослужитель, состоящих в штате, и 1060 – заштатных, 1026 ямщиков и 193 отставных солдата. Численность дворянского сословия точно определить весьма сложно.

Большую часть населения составляли помещичьи крестьяне, доля которых превышала половину всех жителей Пензенской губернии (401 641 человек обоого пола, или 57,7%). Второй по численности категорией крестьянства были государственные крестьяне, в состав которых входили однодворцы, пахотные солдаты, пушкари, воротники и ясашные крестьяне. Они составляли 167 302 человека обоого пола (или 24%), в том числе ясашные крестьяне – 68 449 человек (9,8%). Удельные (дворцовые) крестьяне насчитывали 56 038 человек обоого пола (8,1%), экономические – 27 254 (3,9%). Мурзы и татары составляли 28 573 человека обоого пола (4,1%). Численность городских сословий (купцов, мещан и цеховых) в губернии была сравнительно невелика (10 181 человек обоого пола). Во многих уездных и заштатных городах гу-

бернии преобладала та или иная категория крестьянского населения. Лишь в губернском центре, наряду с пахотными солдатами, была значительной прослойка мещан и цеховых.

Основным занятием населения Пензенской губернии являлось сельское хозяйство. Завершение колонизации ее территории в XVIII в., повышение рыночного спроса на хлеб привело к развитию в регионе хлебопашества и росту посевных площадей. Скотоводство было развито слабо. Наряду с земледелием крестьянское население занималось различного рода промыслами. В зимнее время был распространен извоз. В местностях, прилегающих к Суре и Мокше, крестьяне нанимались для перевозки хлеба на речные суда.

Важную роль в экономике Пензенской губернии играла перерабатывающая промышленность. Большое распространение получило винокуренное производство. Это весьма доходное занятие являлось дворянской монополией. В начале XIX в. на территории губернии, гл.о. в Инсарском, Краснослободском, Наровчатском и Городищенском уездах, постоянно действовали более 50 винокуренных заводов.

Еще в XVIII в. в Пензенской губернии происходит расширение промышленного производства. Крупными металлургическими предприятиями на территории губернии являлись Рябкинский, Авгорский и Инсарский чугуноплавильные и Сивинский железоделательный заводы, которые располагались в Краснослободском и Инсарском уездах, где были залежи болотной руды с небольшим содержанием железа. В Пензенской губернии находились также 4 «стеклянные», 4 суконные и 2 парусинные фабрики, купоросный и поташный заводы. Кожевенные и мыловаренные заводы, сосредоточенные в основном в Саранском уезде, отличались небольшим объемом выпускаемой продукции.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект №15-31-14003/15 «Региональные аспекты формирования российской нации».

Пензенская губерния занимала важное место в системе путей сообщения Российской империи. Через ее территорию проходили два важных сухопутных тракта. По Московскому тракту из Нижнего Новгорода через Арзамас – Саранск – Пензу – Петровск можно было попасть в Саратов и далее в Астрахань, по Тамбовскому через Чембар – Пензу – Городище – до Симбирска и далее следовать по направлению на Оренбург. Крупными транспортными артериями были и реки.

Увеличение сельскохозяйственного производства, складывание перерабатывающей и иных отраслей промышленности, а также дорожной инфраструктуры приводило к увеличению транзитной торговли и развитию торговых отношений внутри региона. В начале XIX в. основной формой торговли оставались ярмарки. Самыми крупными из них в Пензенской губернии были Пензенская Петропавловская ярмарка, проводимая с 16 июня по 1 июля, Нижнеломовская Казанская ярмарка, устраиваемая с 1 по 15 июля, и Саранская Спасская ярмарка, проводимая с 12 по 23 августа. Кроме того, необходимая для населения продукция реализовывалась в специальные базарные дни, которые учреждались не только в каждом уездном городе, но и крупных селах.

Тильзитский договор, заключенный 25 июня (7 июля) 1807 г. после неудачных для российской армии военных кампаний 1805-1807 гг., не устранил противоречий между Россией и Францией. По образному выражению Н.А. Троицкого, он «был подобен мине замедленного действия, заложенной в русско-французские отношения... Его главные условия оказались невыполнимыми для России и чреватými новой войной, неизбежность которой становилась все более очевидной»¹. Это прекрасно понимали не только в обеих столицах, но и в провинции. Инсарский чиновник питейных сборов И.И. Мешков отмечал, что с наступ-

лением 1812 г. в Пензенской губернии «распространились слухи о предстоящей войне с Францией, что видно было и по движениям войск; а [рекрутский] набор, открытый в марте, не оставил уже ни малейшего сомнения»². Говорили об оскорблении русского посла в Париже, о заключении Наполеоном тайного союза с Австрией и Пруссией, о пребывании французского императора в Дрездене и движении русской гвардии из Петербурга в Вильно. Не иначе, как только с надвигавшейся военной угрозой люди связывали природные явления (появление кометы) или стихийные бедствия (пожары, наводнения), которые подчас воспринимались ими как кара небесная за их земные грехи.

Все эти слухи имели под собой определенные основания. Для провинциального общества не остались незамеченными перемещения русских войск ближе к западным границам. Проводилась закупка у населения и на конских заводах лошадей для армейской кавалерии. С этой целью накануне войны в Пензенской губернии находились ремонтёры из Екатеринославского кирасирского, Нежинского, Лифляндского и Оренбургского драгунских полков³. Продукция местных заводов и фабрик все более ориентировалась на военные нужды. Население понуждалось к немедленному внесению налогов и недоимок, к пожертвованиям на военные нужды. В преддверии предстоящей войны увеличивалось налоговое бремя.

Первый рекрутский набор (82-й по общей нумерации), проводимый в 1812 г., был объявлен императорским манифестом от 23 марта 1812 г. Им предписывалось собрать по 2 рекрута с 500 душ, положенных в оклад по 6-й ревизии. Рекрутский набор предлагалось провести в мае в течение одного месяца. С Пензенской губернии следовало собрать 1639 рекрутов. По Высочайшему указу от 13 мая рекрут пред-

полагалось направить в 12 новых полков, вновь формируемых в разных городах страны: 8 пехотных (по два в Костроме, Владимире, Рязани и Тамбове) и 4 егерских (по два в Ярославле и Воронеже). По расписанию Военного министерства рекруты из Пензенской губернии поступали на формирование пехотных полков в Тамбов (877 человек) и егерских – в Воронеж (500 человек). Согласно указу на дворянство Пензенской губернии возлагалось обмундирование и снабжение амуницией одного из пехотных полков, формируемых в г. Тамбове, а на «градские общества» – снабжение этого полка обзომ. Дворянство собрало для этой цели 221 865 руб. 83 коп., а «градские общества» – 35 306 руб.

Для того чтобы «избежать всякой медлительности, которая только по сей нужной государственной повинности встретиться может», пензенский губернатор предложил открыть рекрутское присутствие 17 апреля «прежде назначенного срока». К 1 мая рекрутским присутствием уже было принято 663 рекрута (или 40,5% от необходимого количества), а к концу месяца набор был практически завершен. В недоимке числился лишь 61 человек⁴.

На основании Высочайшего рескрипта от 25 мая 1812 г. для нужд регулярной армии, находившейся у западных границ России, с Пензенской губернии было определено собрать 2500 волов, «из коего числа 500 назначаются для подъема тягостей, а 2000 для продовольствия войск. На каждую пару волов из числа первых 500 должны быть по одной повозке крепкой и надежной с упряжью и со всеми принадлежностями к дороге». Князю Г.С. Голицыну предписывалось, чтобы, собрав положенное число волов, он «без малейшего промедления» отправлял их гуртами в м. Свенцяны Виленской губернии. Повинность по поставке волов для армии исполняло исключительно дворянство, по числу имевшихся у них крепостных.

Из Пензенской губернии было отправлено 2602 вола и устроено 250 фур, стоимость которых составила 404 242 руб.⁵

Пензенская губерния располагалась на значительном удалении от Москвы и С.-Петербурга. Поэтому новости доходили сюда с большим опозданием. О том, что 12 (24) июня 1812 г. армия Наполеона перешла Неман, в Пензе стало известно лишь 1 июля. Известный мемуарист первой половины XIX в. Ф.Ф. Вигель, находившийся в это время в Пензе, писал, что «почта из столиц обыкновенно приходила по понедельникам, чем свет; в этот день, который также был понедельник, она опоздала несколькими часами. В «Московских Ведомостях», которые привезла она, находился рескрипт государя на имя графа Салтыкова <...>, который можно было почитать объявлением войны. В прибавлениях припечатано было известие о попятном движении корпусов первой армии, дабы более сосредоточить ее. Рескрипт был от 13 июня из Вильны; пока он дошел до Петербурга, оттуда до Москвы, там напечатан, и по почте у нас получен, прошло 18 дней»⁶.

С первых же дней военные действия приковали к себе всеобщее внимание жителей губернии. Ф.Ф. Вигель отмечал, что новости из центральных газет вызывали громадный интерес. С нетерпением ожидали любые сообщения с театра военных действий и с болью в сердце воспринимали известия о первых неудачных столкновениях с наполеоновской армией. По мере отступления русских войск все больше нарастали тревога и беспокойство. «Появление врага, – писал Ф.Ф. Вигель, – особ разного пола и возраста в один миг заставило забыть и горе и веселье»⁷. Вообще, известия из действующей армии в провинции получали по различным каналам, официальным и неофициальным. Причем, недостаток официальной информации повлек за со-

бой распространение всевозможных слухов.

17 июля 1812 г., «в 8 часов пополудни», находясь в Чембаре, пензенский губернатор князь Г.С. Голицын получил с курьером Высочайший манифест от 6 июля о сборе ополчения, в котором, как писал Ф.Ф. Вигель, «государь, величая дворян Пожарскими, купцов Миниными и духовенство Палицыными, всех призывает к оружию <...> И, о диво! Этот манифест..., который мог бы привести в отчаяние жителей другой страны, вдруг возвысил дух наших сограждан. Они увлечены были величием зрелища, в коем отечество наше готовилось сразиться с целю частью мира, и почувствовали, что хотят и должны быть в нем действующими лицами»⁸. Вскоре в Пензе был получен и другой манифест Александра I, от 18 июля, посвященный организации округов ополчения. Пензенская губерния, наряду с Казанской, Костромской, Нижегородской, Симбирской и Вятской, вошла в состав III округа. Эти губернии должны были приготовить, расчислить и назначить людей, но до особого повеления их не собирать и не отрывать от сельскохозяйственных работ. Таким образом, III округ первоначально рассматривался в качестве резервного. Главная роль в организации ополчения отводилась дворянству.

29 июля в Пензе был получен Указ Правительствующего Синода, последовавший с Высочайшего манифеста 6 июля о созыве народного ополчения, и Воззвание Святейшего Синода «ко всем благоверным чадам церкви», которые были адресованы епископу пензенскому и саратовскому Афанасию. В Возвании Святейшего Синода Наполеон был назван «властолюбивым, ненасытимым, не хранящим клятв, не уважающим алтарей врагом», «покушавшимся на нашу свободу, угрожавшим домам нашим и храмам Божиим». Война представлялась как «искушение», постигшее Рос-

сию, преодолеть которое можно было только с божественной помощью. Церковь призывала прихожан поднять «оружие и щит», с тем, чтобы «охранить веру отцов», а духовенство «вооружить словом истины простые души, открытые нападениям коварства», и благословлять на подвиг тех, кто «возревнует ревностью брани». Основные положения, изложенные в Возвании Святейшего Синода, нашли отражение в проповедях приходского духовенства, обращенных к народу. В них священники говорили о справедливом и священном характере войны, которая велась для защиты Отечества и православной веры, отмечали особую миссию России, которой предназначено Богом остановить завоевания Наполеона и освободить Европу от его господства. Так, протоиерей Краснослободского Троицкого собора Фома Меликов в своей проповеди, произнесенной после принятия манифеста 6 июля 1812 г., при обращении к прихожанам неоднократно использует такие речевые обороты, как «Докажем, граждане, что мы россы!» и «Вы плачете, Государь требует ваших детей в службу», взывая тем самым к патриотическим чувствам народа и убеждая его в необходимости создания ополчения. Для более сильного воздействия на слушателей он обращается к примерам из истории, которые показывают величие русского народа, начиная с победы над Мамаем при Дмитрии Донском, патриотизма и жертвенности Кузьмы Минина и князя Пожарского в «смутное время» и заканчивая победами русского оружия при Екатерине II⁹.

31 июля в Пензе состоялось дворянское собрание Пензенской губернии, на котором обсуждались нормы набора ратников и правила их приема, устанавливались соответствующие денежные расходы, были избраны начальник губернского ополчения, полковые и сотенные начальники. Дворянское собрание первоначально опреде-



Воины пеших и конного полка полков Пензенского ополчения, 1812–1813. Рис. из книги: Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Ч. 18. СПб., 1901

лило из числа 232 056 владельческих крестьян собрать в военное ополчение 6800 ратников, полагая по 3 воина со 100 крестьянских душ. Начальником Пензенского ополчения было предложено избрать генерал-майора Н.Ф. Кишенского. На состоявшемся 5 сентября собрании пензенское дворянство постановило дополнительно поставить в ополчение четвертого воина со 100 душ, а всего 9282 ратника, а также 660 лошадей для конного полка Пензенского ополчения и 44 лошади для артиллерийской команды. Для нужд ополчения предполагалось собрать 382 902 руб. 30 коп. Кроме того, на основании рескрипта Александра I от 21 октября 1812 г. о формировании в III округе т.н. резервного ополчения, в губерниях предписывалось собрать в него еще по 2 воина со 100 душ. Пензенская губерния должна была выставить дополнительно еще 4641 ратника¹⁰.

Для сбора средств на формирование ополчения был создан Комитет пожертвований, который начал свою работу 2 сентября. Сумма только добровольных пожертвований от населения Пензенской губернии, не считая обя-

зательных сборов с помещиков, составила 41 323 руб. 32 коп.¹¹

17 августа 1812 г. в Пензе был получен императорский манифест от 4 августа о проведении 83-го рекрутского набора, согласно которому с удельных и казенных крестьян повсеместно, а с помещичьих только в тех губерниях, где не собиралось ополчение, предписывалось собрать по 2 рекрута со 100 душ 6-й ревизии. Рекрутский набор предлагалось начать с 1 сентября и завершить к 1 ноября. С Пензенской губернии следовало собрать 3560 рекрутов. В ходе набора возникли трудности с приемом рекрут. Достаточно сказать, что за первую половину сентября 1812 г. было набрано всего 136 человек. Пензенский губернатор связывал это с тем, что «все почти прежние чиновники земской полиции, быв назначены в ополчение, сменялись и сдавали должности их избранным вновь чиновникам», и надеялся, что «с окончанием ныне перемен сих высылка рекрут происходить будет гораздо поспешнее»¹². Однако и к окончанию набора количество недоимочных рекрутов было весьма велико и составляло 577 человек (или 16,2%)¹³.

Сбор ратников в ополчение в Пензенской губернии начался 15 сентября. Приемные пункты находились во всех уездных городах. После приема ратники поступали на полковые сборные пункты, которые располагались в Саранске (1-го пехотного полка), Мокшане (2-го пехотного полка), Инсаре (3-го пехотного полка), Краснослободске (4-го пехотного полка) и Пензе (конного полка). При зачислении в полк ратники распределялись по квартирам городских обывателей на основе постоянной повинности. После зачисления в полк ратники проходили несложную военную подготовку.

Некоторые помещики использовали формирование ополчения как повод избавиться от неудобных и социально-опасных крестьян, а также крестьян из экономически слабых и малообеспеченных крестьянских хозяйств. Пользуясь обтекаемостью формулировок при определении физического состояния принимаемых ратников, помещики стремились отдать в ополчение крестьян с физическими недостатками, т.е. тех, кого не принимали по рекрутским наборам, а польза от них в помещичьих хозяйствах была минимальной. Как следствие, при приеме доля отбракованных ратников была достаточно велика. Так, в Краснослободском уезде помещикам вернули для замены 22 крестьянина, которые оказались неспособными к службе в ополчении. Среди переименованных крестьянин Илья Васильев госпожи Улыбышевой страдал «падучей болезнью», у Лариона Акимова были «изломаны обе ноги и удушлив в груди», Ефим Сергеев господина Хрущева был «расшиблен от упаду с дерева»¹⁴.

Несмотря на имеющиеся проблемы, которые возникали при формировании Пензенского ополчения, в частности, при замещении офицерских должностей, а также в ходе набора ратников, снабжения их продовольствием, обмундированием и вооружением, уже 8 октября пензенский губернатор

рапортовал командующему ополчениями III округа графу П.А. Толстому об успехах набора Пензенского ополчения. К этому времени на полковых сборных пунктах губернии находилось уже 7336 человек (или 78,9%)¹⁵.

В сентябре-октябре 1812 г. население Пензенской губернии приняло участие в формировании подвижного магазина для действующей армии. В общей сложности предполагалось выставить «лошадей действующих 800, запасных 100, повозок действующих 400, запасных 8,... погонщиков 413. Для приобретения лошадей и повозок со всех податных сословий должно было собрать 130 800 руб. (по 32 коп. с каждой ревизской души). На каждое сельское и городское общество была положена обязанность выставить определенное количество погонщиков. Кроме того, для отправки к действующей армии в составе подвижного магазина в Пензенской губернии было заготовлено 5884 пуда сухарей, 450 пудов круп и 8104 пуда овса. Начиная с 22 октября, магазин, разделенный на два транспорта, должен был отправиться по тракту на Калугу из г. Чембара¹⁶.

С начала сентября в Пензенской губернии стали появляться беженцы. «Как странно было видеть в продолжение этой недели, – писал Ф.Ф. Вигель, – что при постоянно сырой, ненастной погоде на пензенских улицах затрудняется проезд от множества неизвестных экипажей, запачканных, забрызганных грязью, карет, колясок, колымаг и целых дорожных обозов. Мы сначала подумали, что все семейства уездных помещиков решили поселиться в губернском городе, но вскоре узнали, что то были эмигранты из Смоленской губернии, которые хотели у нас приютиться и с трудом искали квартир: за довольно большие деньги находили они себе помещения в небольших домах мелких чиновников и мещан в нижней части города... С половины сен-

тября стали наезжать уже московские эмигранты»¹⁷. «Приезжие москвичи почти все были люди достаточные, – продолжал он, – Но бедные смоляне, в таком дальнем расстоянии от имений своих, истратившие взятые с собою небольшие суммы, угрожаемы были совершенною нищетой. Тут дворянство наше в отношении к ним явило себя истинно достойным своего имени: всякий, кто только мог, потеснился, чтобы дать у себя место хотя одному смоленскому семейству; разумеется, что для дорогих гостей стол был готовый; что овощи, картофель, репа, горох, мука, крупа для людей, а сено и овес лошадям были даровые. И это довольно накладное гостеприимство сопровождалось ласками, приветствиями, которые давали ему еще более цены»¹⁸.

Многие дворяне останавливались в своих имениях, имениях родственников или у хороших знакомых. Однако если положение беженцев из числа дворян было более или менее сносным и оказывалось в прямой зависимости от их материального благополучия, социального статуса, знакомств и т.п., то положение представителей иных сословий иначе как бедственным не назовешь. Правительство пыталось урегулировать ситуацию с беженцами и как-то помочь им. Так, 1 сентября 1812 г. последовало циркулярное предписание Главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова о людях, выходящих из мест, занятых неприятелем. Согласно этому циркуляру во всех губерниях, где находились беженцы, для «попечения об них» учреждались комиссии под надзором губернаторов, вице-губернаторов, губернских предводителей дворянства и губернских прокуроров. Комиссии должны были разместить беженцев по городам и селениям и составить списки тех лиц, которые нуждались в пособиях от правительства. Средства комиссий состояли из 10-тысячных кредитов, открытых казенными палатами в

каждой губернии, и добровольных пожертвований, собираемых через особые кружки, установленные при церквях. По сведениям Комиссии, в Пензенской губернии в материальной помощи нуждались 51 дворянин и чиновник, 28 мещан и иностранцев, 159 крестьян и дворовых людей. Ежедневно в тех местах, где они проживали, им выплачивалось денежное пособие. Дворянам и чиновникам ежедневно полагалось по 30 коп., иностранцам и мещанам – по 15 коп., крестьянам и дворовым людям – по 10 коп. Это составляло сумму 35 руб. 40 коп. в день¹⁹.

Осенью-зимой 1812 г. по дорогам Пензенской губернии в большом количестве конвоировались вглубь страны военнопленные армии Наполеона. Основным документом, регламентирующим все вопросы транспортировки и расселения пленных, было предписание от 29 августа за №239²⁰. В нем, в частности, отмечалось, что «для жительства пленных, как нижних чинов, так и офицеров, назначены губернии Астраханская, Пермская, Оренбургская, Саратовская и Вятская». По трактам, проходящим через территорию Пензенской губернии, по направлению на Саратов и Симбирск до февраля 1813 г. проследовали в общей сложности 1 генерал (барон Корсен), 62 штаб- и обер-офицера (трое из них остались в Пензе) и 2368 «нижних чинов»²¹.

В условиях военного времени, когда по трактам постоянно следовали различные воинские команды, ратники ополчения, рекрутские партии, размещавшиеся постоем на квартирах местных жителей, необходимость размещения на квартирах еще и военнопленных, которые воспринимались в качестве врагов, лишь усиливали негативное отношение к ним. Так, саранский полицмейстер И.Я. Евсюков рапортовал пензенскому губернатору, что «по малому числу в городе Саранске обывательских домов все оные занимают квартирующим там 1-м пехотным

казачьим полком [ополчения. – С.Б.]. В случае же прохода военнопленных и других команд размещаются оные по тем же самым квартирам, от чего и воины, и проходящие команды, и обыватели имеют стеснение»²². Губернские власти принимали различные меры для того, чтобы избежать возникновения эпидемий среди местного населения. Так, пензенский губернатор 6 января 1813 г. предписывал, чтобы «пленные для общей безопасности нанесения болезни не должны с жителями иметь никакого близкого сообщения, и для того необходимо нужно по дорогам, где они проводятся, определить особые для их ночлегов и отдохновения дома и буде можно, то в некотором отдалении от общих жилищ не расставляя без разбору по квартирам с поселянами. Таким образом определенные избы, в зимнее время протапливая, всегда содержать теплыми, дабы пленные обогреться могли, а по выходе их тотчас отворять на несколько времени окошки и двери, дабы воздух перемениться мог, и потом лавки, столы и прочее деревянное вымывать почаще уксусом или вместо онаго квасом, намочив прежде в нем мяту, и, наливая на горячий кирпич или камень так же мозжевельником и самым мозжевельным деревом; словом, где что найти удобно, ставя притом в сих избах по углам на полу плошки или другую посуду с дегтем. Зачем и наблюдать в селениях старостам и волостным головам, внушая обывателям, чтоб они, оказывая пленным христианское призрение, сами береглись от близких с ними сношений и никакой одежды их на себя не надевали под опасением подвергнуться болезням»²³.

Еще 15 сентября для сохранения порядка и спокойствия в губернии князь Г.С. Голицын предложил учредить в каждом уездном городе полицейскую команду, состоящую из 30 конных казаков, с тем, «чтобы они употреблялись как по городской, так и земской полициям при каждом случае тре-

бования»²⁴. Для усиления надзора по уездам и для общей безопасности жителей губернатор предписал всем земским судам «строжайше подтвердить в каждом селении и в каждой деревне, чтобы сельские начальники, также сотские и десятские, выполняя в точности обязанность свою, имели неусыпное и непрерывное смотрение за приезжающими или приходящими в их селение посторонними и неизвестными людьми <...>; а для вернейшего исполнения сего, из десятских и других по очереди обывателей составить дённой и ночной караул, который бы надзором своим охранял все селение»²⁵.

В начале октября 1812 г. по распоряжению командующего ополчениями III округа графа П.А. Толстого в Пензенскую губернию из Симбирска были направлены 50 ставропольских калмыков под командой хорунжего Менкоева, а также 100 оренбургских казаков, 2 капрала, 2 урядника и 2 офицера под командой есаула Морева. Они должны были обеспечивать порядок при наборе ратников ополчения и проведении рекрутского набора в губернском центре и уездных городах. 12 октября пензенский губернатор предписал хорунжему калмыцкой команды Менкоеву для охраны города следующего дня отряжать в пензенскую градскую полицию по 8 калмыков и сменять их каждые сутки. Через месяц, 11 ноября, князь Г.С. Голицын распорядился откомандировать в уездные города для исполнения полицейских функций небольшие отряды, состоящие из оренбургских казаков и калмыков²⁶.

Ситуация в губернии, как, собственно, и по всей стране, действительно оставалась сложной. Подготовка и проведение военных кампаний 1812-1815 гг. потребовали от России увеличения военных расходов, основная тяжесть которых легла на податные сословия. Повышение податей и сборов привело к росту недоимок. Значи-

тельно возросли и натуральные повинности. Все это послужило источником роста недовольства народных масс и активизации их борьбы. Гораздо большее место в крестьянском движении стали занимать методы борьбы, вытекавшие из реалий военного времени. Прежде всего, побеги и неповиновение властям с целью избежания рекрутчины или отдачи в ополчение. Иногда отдельные крестьяне или даже мирское общество в целом по тем или иным причинам отказывались выполнять рекрутскую повинность. Так, в сентябре 1812 г. казенные крестьяне Болдовской волости Инсарского уезда отказались выставлять рекрутов по 83-му набору, мотивируя это тем, что «у них... как рекрут, так и положенной на них одежды еще нет, да и приготовления по оному еще не начато». Их действия поддержал волостной голова Устим Булычев, который при приезде в село дворянского заседателя Инсарского земского суда Кликунова «с великой грубостью отвечал ему», что двухмесячный срок, положенный на поставку рекрутов, пройдет еще не скоро, «да и обывателям нужно... заготовить сухарей и круп, и тогда уже могут отправиться с рекрутами в Пензу; без какового заготовления им и ехать туда нельзя»²⁷.

Особое место среди социальных конфликтов, происходивших в Пензенской губернии, занимают волнения ратников ополчения в декабре 1812 г. перед его выступлением в поход. Эти волнения, на наш взгляд, не имели сколько-нибудь заметной антикрепостнической направленности. Они явились следствием негативного восприятия крестьянами формирования земской милиции 1806-1807 гг. и роспуска ополчения в соседней Тамбовской губернии. К тому же накануне выступления ополчения в поход во всех церквях Пензенской губернии прошли божественные литургии по случаю побед, одержанных над французами²⁸.

Власти жестоко расправились с зачинщиками и активными участниками выступлений. По свидетельству прапорщика 3-го пехотного полка ополчения И.Т. Шишкина, «три дня лилась кровь вивонных ратников, и многие из них лишились жизни под ударами палачей. Из уцелевших, оставшихся после наказания ратников часть отправлена в каторжную работу, часть – на поселение, а другие – на вечную службу в дальние сибирские гарнизоны»²⁹.

Пензенское ополчение выступило в поход на месяц позже назначенного срока, лишь в первых числах января 1813 г.

14 декабря 1812 г. в Пензе был получен императорский манифест от 30 ноября о проведении 84-го рекрутского набора, согласно которому предписывалось собрать по 8 рекрутов (в четыре очереди по 2 рекрута) с 500 душ. От рекрутской повинности вновь, как и по 83-му набору, освобождались помещичьи крестьяне. С Пензенской губернии следовало собрать 2851 рекрута. К 15 мая 1813 г. рекрутским присутствием из этого числа было принято лишь 2095 человек (или 73,5%). Князь Г.С. Голицын сообщал в Министерство полиции о том, что задержка в приеме рекрут происходила из-за волнений ратников Пензенского ополчения, произошедших в Инсаре, Саранске и Чембаре в декабре 1812 г., которые «могли сделать влияние на поселян»³⁰.

За три рекрутских набора, проведенных в 1812 г., податное население Пензенской губернии должно было выставить 8050 рекрутов (в 82-й рекрутский набор 1639 человек, в 83-й – 3560, в 84-й – 2851). В связи с тем, что помещичьи крестьяне участвовали в формировании Пензенского ополчения, они были полностью освобождены от поставок рекрутов в 83-й и 84-й наборы. Основная тяжесть выполнения рекрутской повинности в ходе этих наборов легла на плечи государственных крестьян и мещан.

Таким образом, хотя на территории Пензенской губернии в 1812 г. и не велись военные действия, ее жители приняли самое действенное участие в сборе средств, в том числе и добровольных пожертвований, на различные военные нужды, а также в формировании ополчения, внеся заметный вклад в победу над врагом.

Значение Отечественной войны 1812 г. для истории России трудно переоценить. Победа над наполеоновской армией доказала жизнеспособность российской государственности и решила вопрос о суверенитете страны. Как справедливо отмечал известный отечественный историк А.Г. Тартаковский, «1812 год впервые в истории России нового времени пробудил повсеместно чувство общности национальной жизни, единения перед лицом смертельной опасности множества людей самых разных состояний. Этот мощный общенациональный порыв дал себя знать в полной мере с момента вступления неприятеля в коренные русские земли и стойко держался до конца войны – всего какие-то 4-5 месяцев, но для дальнейших судеб страны они значили куда как больше, нежели десятилетия мирного быденного существования»³¹.

Примечания

1. Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М.: Мысль, 1988. С. 27.
2. Записки Ивана Ивановича Мешкова // Русский архив. 1905. №6. С. 225.
3. Белоусов С.В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012. С. 57, 59, 67.
4. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 425. Л. 50, 82-83; Белоусов С.В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012. С. 27-28, 66, 68-69, 71.
5. Белоусов С.В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012. С. 27-28, 66, 68-69, 71.
6. Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 647-648.
7. Там же. С. 648.

8. Там же. С. 649.

9. Белоусов С.В. Пензенская епархия в эпоху Отечественной войны 1812 года // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. №27. С. 493-494.

10. Белоусов С.В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012. С. 76-77, 91, 113.

11. ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 377. Л. 22 об.

12. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 424. Л. 27-27 об, 28-28 об.

13. Белоусов С.В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012. С. 32-33, 83, 86, 89-90.

14. Белоусов С.В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (по материалам Среднего Поволжья). Пенза: ПГПУ, 2007. С. 137-139.

15. Белоусов С.В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012. С. 107.

16. Там же. С. 103.

17. Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 662.

18. Там же. С. 667.

19. Белоусов С.В. Реализация государственной политики по отношению к беженцам в российской провинции (на примере Пензенской губернии) // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8-11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 275-284.

20. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419. Л. 4-4 об.

21. Белоусов С.В. Движение конвоев военнопленных армии Наполеона по территории Пензенской губернии в 1812-1814 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. №1 (33). С. 14-15, 18.

22. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 458-458 об.

23. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 480. Л. 20 об. – 22 об.

24. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 249-250; ГАПО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 66. Л. 31-32.

25. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 251-251 об.

26. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 412. Л. 7, 12, 34-34 об, 36-37 об., 42.

27. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 347. Л. 135-136 об.

28. Белоусов С.В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012. С. 135.

29. Шишкин И. Бунт ополчения в 1812 году // Заря. 1869. №8. С. 150.

30. Белоусов С.В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012. С. 49, 141.

31. Круглый стол: Вероломство по плану. Чья победа? Лица или маски? // Родина. 1992. №6-7. С. 135.